

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ Н. В. ГОГОЛЯ

Великий русский художник слова

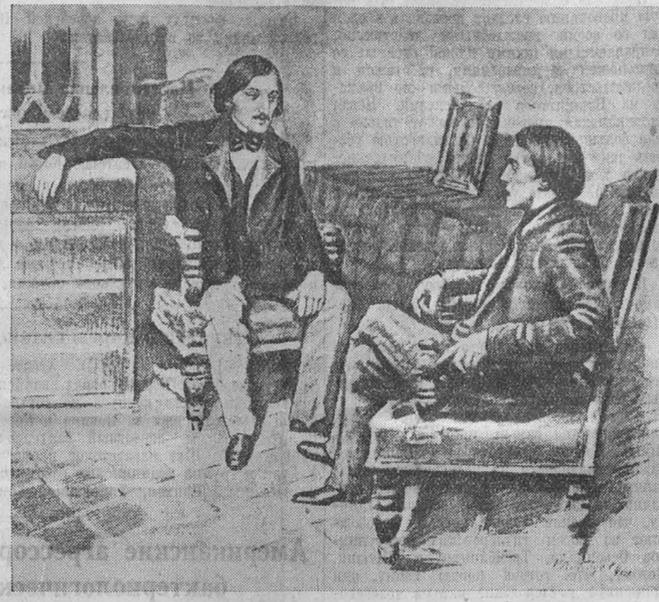
Русь!

Из поэмы „Мертвые души“

...Русь! Русь! вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу: бедно, разбросанно и неприютно в тебе; не развесят, не испугают взором дерзкие дыны природы, венчанные дерзкими дынами искусства, города с многокопными, высокими дворцами, вросшими в утесы, картинные деревья и палаты, вросшие в дымы, в шум и в вечной пыли водопровод; не опрокинется назад голова посмотреть на громады, лишенные без конца над ней и в вышине каменные глыбы; не блеснут сквозь набросанные одна на другую темные арки, опутанные виноградными сучьями, плющом и несметными миллионами дыных роз, не блеснут сквозь них вдали вечные линии сияющих гор, несущих в серебряные, ясные небеса. Открыто-пустынно и ровно все в тебе; как точки, как значки, неприметно торчат среди равнин невысокие твои города; ничто не обольстит и не очарует взора. Но какая же непостижимая, тайная сила влечет к тебе? Почему слышится и раздается немолчно в ухах твоих тоскливая, несущаясь по всей длине и ширине твоей, от моря до моря, песня? Что в ней, в этой песне? Что зовет, и рыдает, и хватается за сердце? Какие звуки болезненно лобзуют и стремятся в душу и вьются около моего сердца? Русь! чего же ты хочешь от меня? какая непостижимая связь таятся между нами? Что глядишь ты так, и зачем все, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?.. И еще, полный недоумения, неподвижно стою я, а уже голову осенило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и онемела мысль пред твоим пространством. Что пророчит сей необъятный простор? Здесь ли, в тебе ли не родится беспредельная мысль, когда ты сама без конца? Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пробиться ему? И грозно облетает меня могучее пространство, страшною силою отразив в глубине моей; неестественной властью осветилась моя очи: у! какая сверкающая, чудная, незнакомая земля здесь! Русь!

крыло к себе, и сам летяшь, и все летит: летят версты, летят навстречу купцы на облучках своих кибиток, летит с обеих сторон лес с темными строями след и сосен, с топорным стуком и воронным криком, летит вся дорога нивесть куда в пропащую даль, и что-то страшное заключено в сем быстром мельканьи, где не успеваешь означиться пропадающий предмет, только небо над головою, да легкие тучи, да продирающийся месяц один кажутся недвижны. Эх тройка! птица тройка, кто тебя выдумал? знать, у бойкого народа ты могла родиться, в той земле, что не любит шутить, а ровнем-гладким разметнулась на полсвета, да и ступай считать версты, пока не зарыбит тебе в очи. И не хитрый, кажись, дорожный снаряд, не железным сквачен винтом, а наскоро живьем с одним топором да долотом снарядил и собрал тебя ярославский расторопный мужик. Но в немецких ботфортах ямщик: борода да рукавицы и сикит чорт знает на чем; а привстал да замахнулся, да затянул песню — кони вихрем, силицы в колесах смешались в один гладкий круг, только дрогнула дорога, да вскрикнул в испуге остановившийся пешеход! и вон она понеслась, понеслась, понеслась!.. И вон уже видно вдали, как что-то пылит и сверлит воздух.

Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несешься? Дымом дышит под тобою дорога, гремят мосты, все отстает и остается позади. Остановился пораженный божьим чудом созерцатель: не молния ли это, сброшенная с неба? Что значит это навоевавшее ужас движение? И что за неведомая сила заключена в сих неведомых светом конях? Эх, кони, кони, что за кони! Вихри ли сидят в ваших гривах? Чутько ли ухот горит во всякой вашей жилке? Засыпали с вышних знакомую песню, дружно и разом наяривали медные груди и, почти не тронув копытами земли, превратились в одни вытянутые линии, летящие по воздуху, и мчились вся вдохновенная богом!.. Русь, куда ж несешься ты, дай ответ? Не дает ответа. Чудным звоном заливаются колокольчики; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо все, что ни есть на земли, и косясь постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства.

Встреча Н. В. Гоголя с В. Г. Белинским. Рисунок худ. В. Лебедева.

Белинский о Гоголе

...Гоголь сделался известным своими «Вечерами на хуторе». Это были поэтические очерки Малороссии, очерки, полные жизни и очарования. Все, что может иметь природа прекрасного, сельского, простодушного обильного, все, что народ может иметь оригинального, типического, все это радужными цветами блеснет в этих первых поэтических грехах г. Гоголя. Это была поэзия юная, свежая, благоуханная, роскошная, упоительная, как пошепай любви... Читайте вы его «Майскую ночь», читайте ее в зимний вечер у пылающего камелька, и вы забудете о зиме с ее морозами и метелями; вам будет чудиться эта светлая, прозрачная ночь благословенного юга, полная чудес и тайн; вам будет чудиться эта юная, бледная красавица, жертва ненависти злой мачехи, это оставленное жилище с одним растворенным окном, это пустынное озеро, на тихих водах которого играют лучи месяца, на зеленых берегах которого пляшут вереницы бесполотных красавиц... Это впечатление очень похоже на то, которое производит на воображение «Сон в летнюю ночь» Шекспира. «Ночь пред рождеством Христовым» есть пейзаж, полная картина домашней жизни народа, его маленьких радостей, его маленьких горестей, словом, тут вся поэзия его жизни. «Страшная месья» составляет теперь pendant к «Тарасу Бульбе», и обе эти огромные картины показывают, до чего может возвышаться талант г. Гоголя. Но я никогда бы не кончил, если бы стал разбирать «Вечера на хуторе!» «Арабески» и «Миргород».

Я еще мало говорил о «Тарасе Бульбе» и не буду слишком распространяться о нем, ибо в таком случае у меня вышла бы еще статья, не менее самой поэтической. «Тарас Бульба» есть отрывок, эпизод из великой эпопеи жизни целого народа. Если в наше время возможна гомерическая эпопея, то вот вам ее высочайший образец, идеал и прототип!.. Если говорят, что в «Илиаде» отражается вся жизнь греческая в ее героический период, то разве одни пикники и риторика прошлого века запретят сказать то же самое и о «Тарасе Бульбе» в отношении к Малороссии XVI века?.. И в самом деле, разве здесь не все козачество, с его странной цивилизацией, его удалюю, разгульную жизнь; его беспечностью и ленью, неутомимостью и деятельностью, его буйными оргиями и кровавыми набегами?.. Скажите мне, чего нет в этой картине? чего недостает к ее полноте? Не выхвачено ли все это со дня жизни, не бьется ли здесь огромный пульс всей этой жизни?..

Из статьи «О русской повести и повестях г. Гоголя». 1835 г.

Товарищество

Из повести „Тарас Бульба“

«Хочется мне вам сказать, панове, что такое есть наше товарищество... Нет у нас святое товарищество! Отец любит свое дитя, мать любит свое дитя, дитя любит отца и мать. Но это не то, братцы: любит и зверь свое дитя. Но породниться родством по душе, а не по крови, может один только человек. Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей. Вам случилось не одному помногу пропадать на чужбине; видишь, и там люди! также божий человек, и разговорился с ним, как с своим; а как дойдет до того, чтобы поведать сердечное слово,— видишь: нет, умные люди, да не те; такие же люди, да не те! Нет, братцы, так любить, как русская душа,— любить не то, чтобы умом или чем другим, а всем чем дал бог, что ни есть в тебе, а...» сказал Тарас, и махнул рукой, и потряс седою головою, и усом моргнул, и сказал: «Нет, так любить никто не может!.. Пусть же знают они все, что такое значит в Русской земле товарищество! Уж если на то пошло, чтобы умирать,—так никому ж из них не доведется так умирать!.. Никому, никому!.. Нехватит у них на то мышиной натуры их!»

Так говорил атаман и, когда кончил речь, все еще потрясал поседевшими в козачьих делах головою. Все, что ни стояло, разобрали сильно такая речь, дошел далеко, до самого сердца. Самые старейшие в рядах стали неподвижны, потупили седые головы в землю; слеза тихо накатывалась в старых очах; медленно открывали они ее рукавом. И потом все, как будто сговорившись, махнули в одно время рукою и потянулись бивальными головами. Знать, видно, много запомнил им старый Тарас знакомое и лучшее, что бывает на сердце у человека, умудренного горем, трудом, удалюю и всяким невгодьем жизни, или хотя и не познавшего их, но много поучающего молодую жемчужною душею на вечную радость старцам-родителям, родившим его...

«Хочется мне вам сказать, панове, что такое есть наше товарищество... Нет у нас святое товарищество! Отец любит свое дитя, мать любит свое дитя, дитя любит отца и мать. Но это не то, братцы: любит и зверь свое дитя. Но породниться родством по душе, а не по крови, может один только человек. Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей. Вам случилось не одному помногу пропадать на чужбине; видишь, и там люди! также божий человек, и разговорился с ним, как с своим; а как дойдет до того, чтобы поведать сердечное слово,— видишь: нет, умные люди, да не те; такие же люди, да не те! Нет, братцы, так любить, как русская душа,— любить не то, чтобы умом или чем другим, а всем чем дал бог, что ни есть в тебе, а...» сказал Тарас, и махнул рукой, и потряс седою головою, и усом моргнул, и сказал: «Нет, так любить никто не может!.. Пусть же знают они все, что такое значит в Русской земле товарищество! Уж если на то пошло, чтобы умирать,—так никому ж из них не доведется так умирать!.. Никому, никому!.. Нехватит у них на то мышиной натуры их!»

На этот раз ветер дунул с другой стороны, и все слова были услышаны козачками. Но за такой совет достался ему тут же удар обухом по голове, который перевернул все в глазах его.

Пустились козак в всю прыть подгорной дорожкой; а уж погони за плечами. Видят: гонят и загигает по дорожке и много дает в сторону извивов. «А, товарищи! не куда пошло!» сказали все, остановившись на миг, подняли свои нагайки, свистнули, — и татарские их кони, отделившись от земли, распластались в воздухе, как змеи, перелетели через прыжки и бутылку прямо в Днестр. Двое только не достали до реки, прыгнули с вышних об камней, пропали там навеки с конями, даже не успевши издать крика. А козак уже плыл с конями в реке и отвыкнувал челны. Остановившись, ляхи над пропастью, дивясь неслыханному козачьему делу и думая: прыгать ли им или нет? Один молодой полковник, живая, горячая кровь, родной брат прекрасной полячки, обворожившей бедного Андрия, не подумал долго и бросился со всех сил с конем за козаками: перевернулся три раза в воздухе с конем своим и прямо грянулся на острые утесы. В куски изорвали его острые камни, пропавшего среди пропасти, и мог его, смешавшись с кровью, обрызгал росные по неровным стенам провала кусты.

Когда очнулся Тарас Бульба от удара и глянул на Днестр, уже козак был на челнах и гребли веслами; пули сыпались на них сверху, но не доставали. И вспыхнули радостные очи у старого атамана.

«Прощайте, товарищи!» кричал он им сверху: «Вспомните меня и будущей же весной прибавьте сюда вновь, да хорошенько погуляйте! Что взяли, чортовы ляхи? Думаете, есть что-нибудь на свете, чего бы побоялся козак?»

А уже огонь подымался над костром, захватывал его ноги и разостлался пламенем по дереву... Да разве найдется на свете такие очи, муки и такая сила, которая бы переждала русскую силу!

И какой же русский не любит быстрой езды? Его ли душе, стремящейся закружиться, загулять, сказать иногда: «чорт поберит все!» его ли душе не любить ее? Ее ли не любить, когда в ней слышится что-то восторженно-чуждое? Кажись, неведомая сила подхватила тебя на крыло к себе, и сам летяшь, и все летит: летят версты, летят навстречу купцы на облучках своих кибиток, летит с обеих сторон лес с темными строями след и сосен, с топорным стуком и воронным криком, летит вся дорога нивесть куда в пропащую даль, и что-то страшное заключено в сем быстром мельканьи, где не успеваешь означиться пропадающий предмет, только небо над головою, да легкие тучи, да продирающийся месяц один кажутся недвижны. Эх тройка! птица тройка, кто тебя выдумал? знать, у бойкого народа ты могла родиться, в той земле, что не любит шутить, а ровнем-гладким разметнулась на полсвета, да и ступай считать версты, пока не зарыбит тебе в очи. И не хитрый, кажись, дорожный снаряд, не железным сквачен винтом, а наскоро живьем с одним топором да долотом снарядил и собрал тебя ярославский расторопный мужик. Но в немецких ботфортах ямщик: борода да рукавицы и сикит чорт знает на чем; а привстал да замахнулся, да затянул песню — кони вихрем, силицы в колесах смешались в один гладкий круг, только дрогнула дорога, да вскрикнул в испуге остановившийся пешеход! и вон она понеслась, понеслась, понеслась!.. И вон уже видно вдали, как что-то пылит и сверлит воздух.

И живу около года на чужой земле, вижу прекрасные небеса, мир, богатый искусствами и человеком. Но разве перо мое приняло бы описать предметы, могущие поразить всякого? Ни одной строки не мог посвятить я чудному. Непредодолимою ценью приковав я к своему, и наш бедный, неяркий мир наш, наши курные избы, обаянные пространства предпочел я небесам лучшим, привлекнее глядящим на меня. И я ли после этого могу не любить своей отчизны?

Из письма Н. В. Гоголя

...Мои светлые минуты моей жизни были минуты, в которые я творил. Когда я творил, я видел перед собою только Пушкина. Ничто мне были все толки, я левал на презренную чернь, известную под именем публики, мне дорого было его вечное и непреложное слово. Ничего не предпринимал, ничего не писал я без его совета. Все, что есть у меня хорошего, всем этим я обязан ему. И теперешний труд мой есть его создание. Он взял с меня клятву, чтобы я писал, и ни одна строка его не писалась без того, чтобы он не являлся в то время очам моим...

И живу около года на чужой земле, вижу прекрасные небеса, мир, богатый искусствами и человеком. Но разве перо мое приняло бы описать предметы, могущие поразить всякого? Ни одной строки не мог посвятить я чудному. Непредодолимою ценью приковав я к своему, и наш бедный, неяркий мир наш, наши курные избы, обаянные пространства предпочел я небесам лучшим, привлекнее глядящим на меня. И я ли после этого могу не любить своей отчизны?

Гениальный писатель-реалист

Основы правильного понимания исторических заслуг Гоголя перед русской литературой, русским освободительным движением заложены в известных ленинских словах об идеях Белинского и Гоголя, об идеях, которые делали этих писателей дорогими «...всякому порядочному человеку на Руси».

Это сближение имен гениального писателя-реалиста и сатирика и великого критика — революционного демократа глубоко закономерно.

Пушкин, продолжая и развивая традиции своих замечательных предшественников — Радищева, Фонвизина, Крылова, явился родоначальником русского художественного реализма. Тем самым он проложил путь всей дальнейшей передовой русской литературе. Гоголь сделал первый шаг Пушкина шаг вперед в развитии реалистического направления в русской литературе. Он углубил и обогатил критическое начало пушкинского реализма, в его произведениях это начало стало главным и первенствующим.

Белинский говорил, что «без «Онегина» и «Горя от ума» Гоголь не почувствовал бы себя готовым на изображение русской действительности, исполненное такой глубины и истинности». Можно сказать, что без «Ревизора» и «Мертвых душ» художники революционной демократии — Некрасов и Салтыков-Щедрин не были бы готовы к той беспощадно суровой критике крепостнических порядков, которая развернута в их произведениях.

Белинский, обобщая творческий опыт Пушкина и Гоголя и опираясь на этот опыт, создал глубоко продуманную и стройную теорию русского художественного реализма, выступил как основоположник русской реалистической эстетики, явившейся огромным шагом вперед в развитии мировой эстетической мысли.

Для историко-литературной науки прошлого было характерно противопоставление раннего Гоголя — «романтика» Гоголю зрелому — «реалисту». Вспомню, что творческий метод Гоголя не оставался неизменным на всем протяжении его писательского пути. Но так же бесспорно, что черты реализма уже в «Вечерах на хуторе близ Ди-

каньки» проявляются широко и многообразно.

Пушкинский «Борис Годунов» явился первым в русской литературе реалистическим произведением о прошлом родной страны и родного народа. Гениальное новаторство пушкинской трагедии заключалось в том, что народные массы были показаны в ней как основная движущая сила истории. Обращаясь к образам прошлого, Гоголь исходит из тех же положений, что и Пушкин; для него, как и для Пушкина, история родины есть прежде всего история народа. Потому так величественна развернутая Гоголем в «Тарасе Бульбе» картина славной борьбы волевого украинского казачества за свободу и независимость Украины, против захватчицких притязаний польской шляхты. Потому так эпически могуч образ главного героя этой повести-поэмы, повести-песни, выразителя коренных интересов народа.

Процесс творческого роста и созревания Гоголя был связан прежде всего с усилением и укреплением сатирического начала его дарования. Вскоре после завершения работы над «Вечерами» Гоголь написал статью о Пушкине, сошедшую в глубокую и проникновенную характеристику его как «русского национального поэта». Эта статья знаменательна как программное выражение литературно-эстетических взглядов самого Гоголя. Основную заслугу Пушкина перед русской литературой и основную черту его гениальности Гоголь видит в жизненной правдивости пушкинской поэзии.

Традиционно условному, романтическому герою, со всеми атрибутами внешней эффектности, Гоголь противопоставляет в этой статье сужую «в истергом фраке, запачканном табаком, который невниман образом, посредством справок и выправок, пустил по миру множество всякого рода крепостных и свободных душ», то есть противопоставляет персонажа, воплощающий реальное зло тогдашней жизни.

Намеченная творческая программа была осуществлена Гоголем в «Миргороде» и «Арабесках» — книгах, в которых Белинский находил меньше «лирического разгула», чем в «Вечерах на хуторе близ Ди-

каньки», но зато «больше глубины и верности в изображении жизни». Кроме того, по словам Белинского, Гоголь здесь «расширил свою сцену действия и, не оставляя своей любимой, своей прекрасной, своей ненаглядной Малороссии, пошел искать поэзии в нравах среднего сословия в России». Теперь черты писателя-сатирика, обличителя всего отсталого, тупого и косного, что было в жизни того времени, не только выступили с полной отчетливостью в его литературном облике, но и получили преобладающее значение.

Даже в «Старосте и помешках» — повести, которую Пушкин назвал «трагической идиллией», заставляющей «смеяться сквозь слезы грусти и умиления», автор, с видимой симпатией рисуя жизнь престарелой и простодушной супружеской пары, в то же время с величайшей выразительностью показывает, как это отменил Белинский, «все пошлость, всю гадость этой жизни, животной, уродливой, карикатурной...». В «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» с еще большей обнаженностью раскрылись бессмысленность и пустота паразитической жизни тех людей, которых позднее Гоголь метко назвал «небоготворителями».

В прологе к «Медному Всаднику» Пушкин дал величественную и блистательную картину «официального» Петербурга — «военной столицы», политического и административного центра Российской империи. В том же «Медном Всаднике», а раньше в поэме «Домик в Коломне», в повести «Гробовщик», в некоторых незавершенных отрывках и набросках поэт вплотную подошел к изображению другого Петербурга — демократического, города обделенных судьбой бедняков и тружеников. В цикле «Петербургских новостей» Гоголь, в «Портрете», еще полнее и ярче в «Невском проспекте» и в «Записках сумасшедшего», как бы иредвосхищающим написанием много лет спустя «Шинель», эта пушкинская линия продолжена и углублена. Социальные противоречия петербургской жизни показаны еще более резко и подчеркнуто, ноты протеста против царящей несправедливости звучат громче.

Именно «Миргород» и «Арабески» послужили для Белинского поводом к написанию статьи «О русской повести и повестях г. Гоголя» — этого манифеста художественного реализма, статьи, утверждавшей основные принципы поэзии жизни, поэзии действительности, которая «не пересоздает жизнь, но воспроизводит, воссоздает ее и, как вышукое стекло, отражает в себе, под одною точкою зрения, разнообразные ее явления...».

С появлением «Миргорода» и «Арабесок» имя Гоголя и его творческое дело становится объектом ожесточенной борьбы между прогрессивными и реакционными силами русского общества — борьба, не затихавшей уже ни на минуту и продолжавшейся многие десятилетия спустя после смерти писателя.

Во всем своем величии раскрылся гений Гоголя, реалиста-сатирика, в «Ревизоре». Борьба с лихомством и самоуправством чиновников составляла одну из самых давних и стойких традиций русской сатирической литературы. Но до Гоголя «административные злоупотребления» изображались всегда именно как злоупотребления, как нарушение установленных порядков. «Дурным» чиновникам, как правило, противопоставлялись чиновники «хорошие», должноставшие служить воплощением всех дворянских добродетелей. В «Ревизоре» же «злоупотребления» впервые были показаны как нечто, порожденное всем современным Гоголю полицейско-бюрократическим укладом.

В одной из своих заметок, связанных с этой бессмертной комедией, Гоголь писал о главном ее «герое» Хлестакове, что он «сам по себе ничтожный человек. Даже душные люди называют его пустейшим. Никогда бы ему в жизни не случилось сделать дела, способного обратить на него хоть какое-нибудь внимание. Но сила всеобщего страха создала из него замечательное комическое лицо». «Всеобщий страх» — вот что движет всеми колесиками и винтиками правительственного механизма самодержавно-крепостнической монархии. Можно ли было более убийственно охарактеризовать ее суть, чем сделано это в комедии, всем содержанием своей наталкивавшей читателя на такой вывод.

Еще больший запас взрывчатой силы несли в себе «Мертвые души» — одно из величайших созданий мирового искусства,

одна из сияющих вершин художественного реализма.

Белинский, сравнивая появление «Мертвых душ» с «освежительным блеском молнии среди томительной и тлетворной дымности...», оценивал гоголевскую поэму как «творение чисто русское, национальное, выхваченное из тайника народной жизни, столько же истинное, сколько и патристическое, беспощадно сдергивающее покров с действительности и дышащее страстною, нервною, кровною любовью к народническому зерну русской жизни; творение необычайно художественное по концепции и выполнению, по характеру действующих лиц и подробностям русского быта, — и в то же время глубокое по мысли, социально, общественное и историческое...».

Основным злом русской жизни той эпохи было, в представлении Белинского и других передовых русских людей — его современников, крепостное право. В «Мертвых душах» тема крепостного права, взаимоотношений крестьян и помещиков, не была поставлена прямо, как ставила ее позднейшая революционно-демократическая литература. На этом основании делались иногда попытки умирать значение гоголевской поэмы как антикрепостнического произведения, направленного своим острым против современного писателя общественно-экономного уклада, основанного на неограниченном произволе дворян-помещиков. Это, однако, не так. Поэма Гоголя глубоко народна.

Изображая обитателей барских усадеб, всех этих маньяков, корыбков, поздравителей, соблаговенней, плюшкинских, Гоголь сумел увидеть их именно такими, какими видел их народ, сумел с огромной силой раскрыть и отделить в них черты тупицества, алчности, умственного и морального убожества.

Свою задачу Гоголь видел в том, чтобы «вызвать наружу все, что ежеминутно пред очами, и чего не врят равнодушные очи, все странную, потрясающую тину мелочей, опутанных нашу жизнь, всю глубину холодных, раздробленных, повседневных характеров, которыми кишит наша земля, подчас горькая и скучная дорога, и крепкою силою невозможного реализма — выставить их выпукло и ярко на всенародные очи!».

Знаменательно, что как только Гоголь отвлекается от смрадного паразитиче-

ского мира и обращает свои взоры к русскому народу, так его сатирический, обличительный пафос уступает место совсем другим, проникновенным, природно-лирическим интонациям. В этом проявляется одна из самых драгоценных черт гоголевского реализма — его демократическая устремленность, неуслышанная от Пушкина и ставшая поздней характерной чертой всего русского классического реализма.

Гениальный художник Гоголь создал потрясающие картины из жизни родной страны. Они были проникнуты неугасимой мечтой об ее будущем. Этой мечтой были проникнуты Гоголю самые страстные, самые взволнованные строки его бессмертной поэмы.

Говоря о «Мертвых душах», Герцен замечал, что эта удивительная книга — «горький утрек современной Руси, но не безнадежный». «Грустно в мире Чичикова», писал Герцен, — так, как грустно нам в самом деле; и там, и тут одно утешение в вере и уповании на будущее. Но веру эту отринуть нельзя, и она не просто романтическое упование... она имеет реалистическую основу: кровь как-то хорошо обращается у русского в груди».

Влияние Гоголя на последующую русскую литературу было исключительно сильным и многообразным. Особенно плодотворную роль сыграл Гоголь в творческом становлении писателей революционно-демократического направления; крупнейшей из них — Салтыков-Щедрин считал себя учеником Гоголя и продолжателем его дела. Великий основоположник социалистического реализма Горький, резко осуждая заблуждения Гоголя в последний период его жизни, оценивал «Ревизора» и «Мертвые души» как произведения, «которым нет равных в русской литературе», многократно советовал молодым писателям учиться у Гоголя, как замечательного знатока русского языка.

Бессмертно творческое наследие Гоголя — художника, для которого жизненная правда была высшим законом творчества, писателя, нанесшего своими произведениями сокрушительные удары режиму крепостнического рабства, внесшего великий вклад в сокровищницу мирового искусства.

И. СЕРГИЕВСКИЙ.